

— Ты куда это собрался? — Наоя лениво подпирал косяк.

Скрестив руки на груди и уперевшись ногой в противоположную раму, он полностью преграждал дорогу. Пользуясь тем, что он значительно выше Харе, молодой господин Дзэнъин вечно задирал подбородок и смотрел на всех свысока. Вид у него был настолько спесивый, что Харе так и подмывало ему врезать.

Однако одна рука Харе была занята бумажным фонарем, а другой он придерживал воротник, кутаясь в халат от ночной прохлады. Свободных рук не осталось, так что он просто шагнул вперед и наступил Наое прямо на ногу.

— Молодой господин, мне кажется, на жителей деревни наложили проклятие, и я собираюсь осмотреться, — твердо произнес Харе. — Не сообразовали ли вы дать мне пройти?

Стоило Харе подойти ближе, как Наоя уловил тонкий, свежий и едва заметно сладковатый аромат. Так пахнет лимонная цедра на пышном бисквите, когда откусываешь кусочек вместе с нежным сливочным кремом.

Боль от чужой ступни оказалась пустяковой — этот мальчишка весил куда меньше, чем казалось со стороны. Наоя опустил взгляд и обнаружил, что Харе стоит босиком. Сразу стало ясно, почему его прикосновение показалось таким ледяным.

Из-под подола кимоно виднелись изящные ступни. Кожа на них была мертвенно-бледной, почти прозрачной — сквозь нее явственно просвечивали тонкие голубые вены. При каждом движении полы одежды расходились, позволяя мельком увидеть белизну ног, на которой еще темнели багровые отпечатки чьих-то пальцев.

«До чего же порочное тело»

Наоя нахмурился и отвел взгляд в сторону темного сада.

— Дурак, — тихо бросил он.

— Что? — опешил Харе. — С чего вдруг обзывать?

Наоя некоторое время молча наблюдал за мотыльками, кружившими вокруг садового фонаря. Наконец он тяжело вздохнул, нехотя повернулся к Харе и одарил его долгим взглядом, в котором сквозило сочувствие к чужой непроходимой глупости.

— Что ты видел по дороге сюда? — спросил он.

— Что видел? — Харе отступил на шаг, наконец освободив ногу Наои, и задумался. — Рисовые чеки, рыбацкие лодки, сохнувшие сети...

Наоя опустил ногу и со вздохом покачал головой:

— Да не это...

Договорить он не успел — Харе внезапно хлопнул его по плечу:

— Ой, точно! Я же ни одной живой души не встретил!

По пути от пристани им, кроме самого старосты и двух его слуг, действительно не попался ни один местный житель. И это выглядело по меньшей мере странно. Хотя усадьба старосты стояла поодаль, на самой окраине, дорога к ней вела мимо нескольких крестьянских дворов. Харе отчетливо помнил, что во всех домах ставни и двери были наглухо заперты, и ни в одном окне не горел свет.

Прибыли они не так уж поздно — как раз к ужину. К тому же у пристани покачивались десятки лодок, а значит, рыбаки не могли находиться в море.

Куда же тогда подевались все жители?

Харе нахмурился, силясь найти разумное объяснение.

— Не могли же они все поголовно превратиться в деревья из-за какого-нибудь проклятия? — пробормотал он. — Но если так, почему староста спокоен как удав? Разве не он умолял нас о помощи?

Наоя, по-прежнему подпиравший спиной дверь, бросил быстрый взгляд наружу. Вдруг он резко выпрямился, ухватил Харе за рукав и дернул на себя. Не дав опешившему юноше опомниться, Наоя развернулся и собственным телом прижал его к косяку.

Он проделал это так ловко и быстро, что они почти не коснулись друг друга, хотя со стороны их позы казались двусмысленно близкими. Свеча в бумажном фонаре испуганно задрожала и погасла от сквозняка, ворвавшегося с галереи. В полумраке коридора высокий силуэт Наои полностью заслонил собой Харе, склонившись над ним почти вплотную.

— Ты что твори... — начал было Харе, у которого от удара о косяк чувствительно заныли лопатки.

Но Наоя уже прижал палец к его губам, призывая к молчанию.

— Тсс, — прошептал он у самого его уха. Голос его звучал на удивление вкрадчиво, с едва уловимой издевкой. — Неужели ты до сих пор не заметил, что за нами следят с самой высадки? И кто тебе сказал, будто нас пригласил староста? Для шамана ты чертовски невнимателен. Даже не знаю, как это назвать — глупостью или детской наивностью, а, малыш Харе?

Он говорил почти шепотом, обдавая ухо Харе теплым дыханием. На мгновение Наоя поймал себя на том, что неосознанно копирует интонации Тодзи — те же ленивые, насмешливые нотки, в которых сквозило опасное пренебрежение. И это, надо признать, шло ему куда больше привычной чванливости.

Со стороны их объятия казались почти интимными, словно они вот-вот сольются в поцелуе. Быстро сообразив, к чему клонит напарник, Харе не стал его отталкивать. Вместо этого он сосредоточился и активировал Шесть глаз.

Харе пока плохо справлялся со своей врожденной силой. Ему достались «Шесть глаз», но он не умел использовать их потенциал на полную мощность, как Годжо Сатору. Да и унаследованная от Гето Сугуру «Манипуляция проклятыми духами» в его руках претерпела некоторые изменения. Впрочем, главная способность — видеть тончайшие потоки проклятой энергии — осталась неизменной.

В полумраке лазурные глаза Харе тускло блеснули, словно в глубине зрачков отразился осколок полуденного неба. Опасаясь, что Наоя заметит это свечение, он опустил голову, уткнувшись лбом в его плечо. Наблюдателю со стороны показалось бы, что юноша сам льнет к своему спутнику.

До этого Харе мучился от дикого голода и сильной морской болезни, мечтая лишь об одном — поскорее оказаться в тепле. Неудивительно, что он упустил из виду столько подозрительных деталей. Но теперь, настроившись, он мгновенно заметил неладное.

Вокруг дома, затаившись в тени деревьев, стояли слуги старосты. Они вели за ними неотступное наблюдение, перекрыв все тропы, ведущие вглубь поселения.

Харе хотел шепотом указать на засаду, но тут почувствовал, что Наоя все еще прижимает палец к его губам.

— Убери руку, — пробормотал он, едва шевеля губами. — Я не кусаюсь...

Прикосновение мягких, податливых губ и теплое, влажное дыхание обожгли подушечку пальца Наои. Он отдернул руку прежде, чем Харе успел договорить, словно от удара током, и поспешно спрятал ладонь в широкий рукав кимоно. Пальцы мелко дрожали, а в запястье разлилась странная, тягучая слабость.

Мало у кого пальцы рук являются эрогенной зоной, но Наоя был исключением. Стоило кому-то переплести с ним пальцы или коснуться их губами, как его тут же накрывала волна

непреодолимого возбуждения. Обычное, мимолетное касание чужих губ отозвалось в его теле сладким и опасным трепетом. Об этой постыдной особенности никто не знал, и уж тем более Наоя не собирался выдавать себя перед этим мальчишкой.

К тому же, поспешно отступив, он руководствовался не только внезапной слабостью в руках. Секунду назад его обдало таким леденящим потусторонним ужасом, словно он переступил границу владений древнего чудовища. Наое показалось, что еще мгновение — и невидимые лезвия искромсают его плоть на мелкие кусочки. Но наваждение рассеялось так же стремительно, как и возникло, стоило ему убрать руку.

Будучи по природе мнительным, Наоя заподозрил, что виной всему Харе, однако не подал виду.

— Заходим в комнату, — тихо скомандовал он. — Запрем дверь и выберемся через другое окно.

С этими словами он перехватил Харе за плечи, мягко подтолкнул внутрь и бесшумно притворил за собой створку.

Оказавшись в комнате, Харе первым делом опустил на пол погасший фонарь и скользнул обратно к обогревателю — ночной сквозняк успел пробрать его до костей.

— Ты сказал, нас пригласил не староста? — Харе уселся на корточки, протянув озябшие ладони к мягкому оранжевому свечению. — Что это значит?

— Просьбу о помощи в Техническую школу магии отправил местный студент, который учится в городе, — пояснил Наоя, прислонившись к стене. — Он приехал навестить родных и застал их в весьма... странном состоянии. А вот староста поет совсем другие песни. Разве ты не слышал его бредни?

Наоя пренебрежительно фыркнул:

— Этот старый дурак уверяет, будто в деревне явилась милость Божественного духа деревьев — божества, которому они поклоняются. Мол, пропавшие крестьяне удостоились чести уйти на покой в обитель бога. И знаешь, о чем он меня попросил? Чтобы мы подтвердили его сказочку перед остальными жителями, дабы «не сеять панику». Ну не нелепость ли?

Харе промолчал. Спустя минуту он поднялся на ноги и тихо покачал головой:

— Какая мерзость...

Сложно было понять, кого именно он имел в виду — старосту или совет старейшин. Набросив поверх кимоно плотное хаори, Харе бесшумно распахнул окно с обратной стороны дома и выскользнул в сад, опустившись на землю мягко, словно опавший лист.

Наоя насупился, чувствуя себя слегка уязвленным — ему показалось, что камешек прилетел и в его огород. Идти следом он поначалу не планировал, но, вспомнив тайные напутствия верхушки клана и старейшин Дзэнъин, взвесил все за и против и прыгнул следом.

Для опытных шаманов обвести вокруг пальца кучку простых смертных не составляло труда. Миновав посты, они быстро оставили усадьбу старосты позади и под блеклым сиянием луны вышли к жилой части деревни.

Предчувствия Харе оправдались: повсюду громоздились безмолвные темные дома с наглухо запертыми дверями. Место казалось вымершим и жутким, точно заброшенное кладбище.

— Здесь остался слабый след проклятой энергии, — шепнул Харе, указывая на заросшую сорняками тропинку.

Ступая босыми ногами по холодной земле, он уверенно зашагал вперед.

Тропа пролегла мимо раскинувшихся рисовых чеков и затерялась в густой бамбуковой роще. Плотные кроны почти не пропускали лунный свет, а от порывов ветра стебли глухо и зловеще поскрипывали.

Однако для магов, привыкших иметь дело с порождениями истинного кошмара, ночной лес казался детской прогулкой. Харе шагал совершенно спокойно и даже беззаботно обернулся к напарнику:

— Знаешь, я как-то раз ходил на квест-перформанс. Декорации там были один в один как здешние...

— Под ноги смотри, — буркнул Наоя, бесцеремонно ткнув его пальцем в плечо.

— Ой! — Харе как раз оступился на влажной глине и от легкого толчка потерял равновесие.

Вцепившись инстинктивно в запястье Наои, он увлек его за собой. Напарник не успел среагировать, и они оба кубарем покатались по крутому склону оврага, шурша палой листвой, пока не вылетели на открытое место у подножия бамбуковой рощи.

— Ох... — простонал Харе, поднимаясь на локтях.

Из темноты доносилось тихое журчание ручья. Смахнув с лица сухие листья, юноша поднял голову, и от увиденного его тело мгновенно покрылось ледяной испариной.

В неглубоком русле лесного ручья, плотно, словно высаженные кем-то деревья, стояли люди. Мужчины, женщины, глубокие старики и совсем еще дети — десятки молчаливых фигур

замерли посреди холодной воды. Их остекленевшие взгляды были неподвижно устремлены к вершине горы.

Шум падения эхом разнесся по ущелью, и в то же мгновение десятки голов медленно, со зловещим синхронным хрустом, повернулись в сторону оврага. Мертвые, немигающие взгляды уставились прямо на них.

<http://bllate.org/book/19043/1939659>